

менно вопрос о пребывании монарха на троне в прямую связь с конечной волей «народа»:

Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты, иль нет, сие народу равно.¹⁵

Сумароков допускает возможность пребывания на троне человека не царского происхождения, если действиями его руководит забота о благе нации. На реплику лукавого Шуйского: «Димитрия на трон взвела его порода» — Пармен, за высказываниями которого постоянно скрывается выражение позиции автора, уже открыто заявляет:

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.¹⁶

В идейном плане этическая направленность конфликта, отличавшая содержание более ранних трагедий Сумарокова, здесь как бы раздваивается. И впервые историософский аспект содержания пьесы, вытекающий из осуждения тиранических поступков Димитрия Самозванца, строится на осознании самобытности исторического пути России, несоотнесенности ее опыта с нормами, регулирующими духовную и политическую жизнь Западной Европы. Достаточно вспомнить тирады в монологах отдельных персонажей против католичества или резко отрицательные высказывания против системы парламентаризма, рассуждения о пользе для России самодержавия.

Наконец, новый этап отражения в сфере драматургии историософской проблематики мы можем наблюдать в трагедиях Я. Б. Княжнина. Оставляя в стороне вопрос о подражательности драматургической системы Княжнина, использовавшего в большинстве своих пьес сюжетные схемы французских и итальянских драматургов, следует подчеркнуть принципиально новый подход Княжнина к трактовке движущих пружин трагического конфликта. В его трагедиях конфликт как движущее начало драматического действия, будучи полностью переключенным из любовной сферы в плоскость идеологической проблематики, дополняется целым рядом черт, имеющих подчеркнута историософскую окраску. Это прежде всего утверждение идеи неповторимости духовных начал, выработанных опытом национальной истории. На первых порах это носит декларативный характер (трагедии «Владимир и Ярополк», «Рослав»). Но уже в «Вадиме Новгородском» сопряженность драматического конфликта с историей поднимается на качественно новую ступень. Родившееся в полемике с исторической концепцией Екатерины II (ее позиция была выражена в пьесе «Историческое представление из жизни Рюрика. В подражание Шакеспиру» (1787)) обращение к

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 266.